

Вот что творилось: дядя Вэнь и его компания утверждали, будто земля принадлежит им, но никакого документа о праве собственности («дици») предъявить не могли!

Вэнь Лаоци тоже заявил, что дом его, мол, он уже весь вычистил и почти привёл в порядок, но и он не смог показать никакого свидетельства о владении домом («фанци»)!

Что ещё хуже — ни на землю, ни на дом у них не было даже так называемого «белого договора» («байци»), не говоря уже о простой расписке, написанной от руки Вэнь Жуном.

Вэнь Жун продал всё семейное имущество постороннему человеку. А этот «цинпи» (зелёная кожа) — старший брат — был далеко не простак: у него под рукой целая шайка людей, да и сам он слыл отчаянным головорезом. Жители деревни Вэньцзячжуань хотели его обидеть? Да им самим повезёт, если он их не обидит!

Осмелиться захватить его дом и землю? Да вы, видно, во сне это себе представляете!

И тогда старший «цинпи» пустил в ход свою обычную тактику хулигана: землю он сдал в аренду арендаторам, и урожай этого года, конечно, уже не его, но на следующий год он решил вернуть землю и сам заняться её обработкой!

А теперь — про дом.

Дом семьи Вэнь Жуна был построен из обожжённого кирпича с черепичной крышей: три основные комнаты и по шесть боковых флигелей с каждой стороны.

Восточные флигели служили кухней, дровяником и кладовой; западные — кабинетом и амбаром для зерна.

Вокруг дома раскинулся огромный огород, но прежний хозяин был человеком изысканных вкусов и вместо овощей посадил там целую рощу персиковых деревьев.

Весной можно любоваться цветами, летом — отдыхать в тени, осенью — лакомиться плодами, а зимой — наблюдать, как ветви, изогнутые, словно драконьи когти, покрываются снегом и инеем.

«Персики пышны, цветы их сияют!» — какое прекрасное настроение создаёт эта картина!

Место просторное, изящное — разве не мечта многих?

Но стоило «цинпи»-старшему поселиться там — и всё пошло наперекосяк. Он просто вышвырнул всех из дома и сам вместе с тридцатью-сорока такими же отпетыми головорезами въехал туда.

Все комнаты — и кабинет, и кладовую — переделали под жилые помещения. Эта шайка быстро почувствовала неприязнь жителей Вэньцзячжуаня, но им было всё равно: они знали, что рано или поздно деревня их примет... ведь они умели «творить»!

В первый день переезда никто из деревни даже не подошёл помочь — и они не обиделись.

На второй день они купили на рынке живого поросёнка, зарезали и съели мясо, никого не пригласив. Жители деревни, конечно, тоже не явились.

На третий день они начали слоняться по деревне, свистеть вслед молодым девушкам и замужним женщинам, ничего не делая — только пялились, причём так откровенно!

На четвёртый день принялись подмигивать молодым вдовам и пугать маленьких детей зловещими ухмылками.

На пятый день дядя Вэнь повёл своих людей, чтобы силой отобрать дом обратно, — но их не только прогнали, но и избили до полусмерти, переломав ноги!

На шестой день головорезы сами вломились в дом Вэнь Лаоци — то есть в дом главы рода. Мужчины Вэньцзячжуаня, конечно, не были слабаками, но, увы, простые земледельцы, хоть и сильные, всё же не могли тягаться с профессиональными уличными бандитами, привыкшими к дракам. В итоге обе стороны понесли серьёзные потери.

А на седьмой день «цинпи»-старший привёл ещё более ста человек и начал ходить по домам, требуя «плату за лекарства». Кто отказывался — того грабили открыто. Жители Вэньцзячжуаня после драки сами перевязали раны, а вот головорезы — нет. Напротив, некоторые нарочно размазывали по лицу кровь, валялись у ворот и стонали, будто умирают, грозясь подать властям жалобу.

«Мягкий боится жёсткого, жёсткий — безрассудного, а безрассудный — того, кто вообще не боится смерти!»

А эти ребята были и безрассудны, и смерти не боялись. Когда жители деревни угрожали вызвать стражу, они сразу же отвечали: «Да пожалуйста!»

Они ведь уже много лет живут в уезде и кое-кого из стражников знают лично.

Да и вообще, если дело дойдёт до суда — начнётся бесконечная волокита. А ведь «ворота суда обращены на юг: правда без денег не пройдёт».

Хотя Вэньцзячжуань и богаче, чем Ляньхуаао, но не каждая семья осмелится идти в суд.

Не оставалось ничего другого, кроме как заплатить. А эти негодяи от этого ещё больше распоясались!

Теперь в Вэньцзячжуане не только девушки боятся выходить из дома, но и замужние женщины тоже, а молодые вдовы вообще уехали к родителям — настолько страшны стали эти головорезы.

Юань Дао рассказал Вэнь Жуну, что староста, глава деревни и родовой старейшина Вэньцзячжуаня пришли в уездный город просить помощи у уездного начальника. Но сам начальник даже не появился — вместо него выступил секретарь Мао. Тот сурово заявил, что все документы у новых владельцев в полном порядке: и дом, и земля официально перешли к ним, и оформлял всё лично сам учёный Вэнь (то есть Вэнь Жунь)! Расчёт произведён полностью — «товар и деньги сошлись».

А у вас-то что есть?

Есть ли у вас хотя бы собственноручная расписка Вэнь Жуна? Или, может, красный договор с печатью уездной канцелярии?

Ничего у вас нет! Совсем ничего!

Когда Вэнь Жунь уезжал из Вэньцзячжуаня, он объявил, что «выходит замуж», но никто даже не пришёл проводить его. Даже «приданое» никто не дал.

Дядя Вэнь и тётя Вэнь провожали его так, будто изгоняли чуму!

А теперь вместо Вэнь Жуна в деревню ввалилась целая шайка настоящих «чумных демонов», и жизнь в Вэньцзячжуане превратилась в ад — куры летают, собаки лают!

Если бы не это, дядя и тётя Вэнь никогда бы не пришли к Вэнь Жуну.

Кстати, в этом месте они бывали впервые.

Всё деревенское сообщество теперь винит именно их: зачем выдали Вэнь Жуна замуж? Вот теперь он продал всё имущество, и из-за этого прекрасная, спокойная деревня Вэньцзячжуань превратилась в рассадник разврата и хаоса. Эти головорезы даже специально пригласили из уездного города куртизанок из борделей, чтобы пировать и веселиться. Их громкий, вызывающий хохот слышен на полдеревни! Женщины скрежещут зубами от злости: ведь эти распутницы то и дело шныряют туда-сюда, а многие мужчины не могут отвести глаз — иные и вовсе пялятся, разинув рот.

В Вэньцзячжуане теперь целыми днями слышны непристойные речи и развратные песни — нравы испортились до невозможности!

Услышав всё это, дядя Вэнь пришёл в ярость:

— Так ты ещё и продал им всё имущество?! Да разве ты не знаешь, что твоему младшему брату сломали руку?!

У дяди Вэня было три дочери и единственный сын, которому всего восемь лет. Мальчишка был настоящим сорванцом — его и кошки, и собаки не терпели. Его главным развлечением было дразнить и обижать других. Настоящий «медвежонок» древних времён! Обычно все просто игнорировали его, но, увы, однажды он решил «поиздеваться» над настоящим отпетым негодяем.

В результате не только получил перелом руки, но и отец ещё вынужден был отдать этому негодюю два лянна серебром «на лекарства»!

— А мне-то какое дело? — невозмутимо ответил Вэнь Жунь. — Он предложил хорошую цену — я и продал. Я ведь больше не житель Вэньцзячжуаня, я уже «замужем», так что зачем вы ко мне пришли?

Дядя Вэнь чуть не поперхнулся от злости, а тётя Вэнь тоже разозлилась:

— Тогда вернись и скажи, что не продаёшь!

— Невозможно, — покачал головой Вэнь Жунь. — Деньги уплачены, товар передан — сделка состоялась. Как можно передумать? Вы думаете, суд — ваша личная лавочка?

Хотя этот век и был феодальным, консервативным и крайне неудобным, в некоторых вопросах соблюдались строгие правила. Например, в подобных сделках: как только деньги и товар сошлись — все связи между сторонами прекращались.

Передумать? Никогда!

Вы думаете, у суда нет других дел, кроме как разбирать ваши мелкие торговые споры?

Ну и наглость!

Супруги были вне себя от ярости, но даже не заметили, что всё это время разговаривали с Вэнь Жунем прямо у двери — он и не думал приглашать их зайти внутрь.

— Да, точно! Вы думаете, суд — ваша личная лавочка? — в этот момент раздался громкий голос. Это были старик Чжан и старуха Чжан во главе большой группы жителей Ляньхуаао, которые величественно приближались к дому.

За ним следовал Чэнь Сюй с крайне напряжённым и обеспокоенным лицом.

Этот мальчик всегда будто боялся холода: каждый раз, выходя из дома — особенно когда предстояло встретиться с людьми — он укутывался так плотно, что превращался в настоящий ватный комок. На голове — ватная шапка, на шее — шарф, всё это мать с любовью сшила ему для защиты от холода. Как только выходил на улицу — сразу надевал всё это, и все думали, что он просто мерзляк.

Только Вэнь Жунь кое-что заподозрил и потому обычно не позволял ему выходить за ворота. Чаще всего Чэнь Сюй работал в домашней библиотеке или вместе с Вэнь Жунем занимался чтением. Иногда Вэнь Жунь даже поручал ему быть маленьким учителем и присматривать за детьми младших классов.

Ведь Вэнь Жунь заметил: у Чэнь Сюя неплохая база — он даже умеет писать! И пишет гораздо лучше своих учеников. Такие иероглифы мог написать лишь тот, кто учился не меньше трёх-пяти лет.

Когда все остальные бросились вон из дома, чтобы поддержать Вэнь Жуня и показать свою силу, только этот малыш не побежал вслед за толпой. Он выскользнул через чёрный ход, сначала отправился к старосте деревни, потом обошёл другие дома — особенно те, где были дети. Детишки тут же разнесли весть дальше. И вот, прошло совсем немного времени, а вся деревня уже здесь!

К тому же все в Ляньхуаао понимали: раз Вэнь Жунь «вышел замуж» и переехал сюда, значит, у него наверняка есть на то серьёзные причины. Но никто не собирался допытываться — зачем лезть в чужие дела?

Раз Вэнь Жунь пришёл в Ляньхуаао, он теперь — человек Ляньхуаао.

Какой бы ни была его прежняя судьба, теперь его должны защищать. Тем более что в доме старого Ваня почти не осталось взрослых: Ван Цзюнь исчез без вести, а Вэнь Жунь — настоящий цзюйжэнь (кандидат в императорские чиновники), гордость всей деревни Ляньхуаао и главная надежда в вопросах налогов и повинностей.

Как можно допустить, чтобы чужаки пришли прямо к его дому и обидели его, а никто даже не вступился?

Вот почему вся толпа пришла сюда грозно и решительно — и мужчины, и женщины, даже дети, которые сейчас были дома на каникулах.

Малыши тут же встали перед Вэнь Жунем и образовали для него маленький «живой заборчик».

Увидев Чжана-дая (старика Чжана), дядя и тётя Вэнь немного испугались — они знали, что это староста Ляньхуаао.

— Вэнь Жунь теперь человек Ляньхуаао! — сказала Чжан-дама (старуха Чжан), встав перед тётей Вэнь. — Вы же ещё при жизни ваших родителей разделились с ним, так зачем теперь приходите сюда и претендуете на его имущество? Женщина, выведшая замуж, — что вода, вылитая за порог! Вы, как порядочная замужняя женщина, разве не знаете этого правила?

В те времена, даже если замужняя женщина выходила замуж за соседа, без разрешения свекрови и свёкра она не могла свободно возвращаться в родительский дом, не говоря уже о том, чтобы что-то туда передавать.

Если семья мужа была добра, то позволяла немного свободы, но если нет — и жена осмеливалась брать что-то из имущества мужа и отсылать родителям, муж имел полное право развестись с ней, обвинив в «краже»!

Да, именно в «краже» — будто бы она украла имущество мужа и передала родителям.

— У Вэнь Жуна вообще нет родни! — вдруг раздался ленивый, насмешливый голос. — В его доме остался только он один. Если бы он не распорядился имуществом, вы думаете, оно должно было остаться вам? Ага, так вы хотите поживиться имуществом «вымершего рода»?

Вэнь Жунь обернулся и узнал говорившего. Это был Ма Саньэр — тот самый парень, который помогал строить дом. Правда, он был ленив и тяжёлую работу не делал, занимался лишь лёгкими делами. Позже дядя Ян рассказал, что этот Ма Саньэр — единственный лентяй и бездельник в Ляньхуаао, и из-за своего хулиганского нрава он здесь не в чести.

Он был настоящим праздношатающимся, иногда даже вороватым. Однажды он уже приходил в дом старого Ваня, когда Ван Цзюнь отсутствовал. Трое детей явно не могли противостоять взрослому мужчине, но, к счастью, дядя Ян вовремя вмешался. Ма Саньэр тогда лишь покружил вокруг дома и сорвал немного зелени — ущерба не было.

После того как Вэнь Жунь поселился в доме, Ма Саньэр больше не осмеливался туда соваться. А вот когда строили дом, он появился снова — правда, мало что делал, зато ел с огромным аппетитом.

Вэнь Жунь запомнил его именно по этому случаю: Ма Саньэр в одиночку съел половину огромной свиной ножки!

Обычно за стол садились десять человек, и на весь стол подавали одну такую ножку. Так вот, Ма Саньэр сразу же набросился на неё, съел половину, даже не тронув других блюд и не добавив себе риса — и наелся до отвала.

Потом, чтобы он не заработал несварение, ему пришлось влить целую большую чашку настоя из хуашаньских ягод (ханьчжэнь). А затем заставили побегать с поручениями, чтобы пища лучше переварилась.

Раньше Вэнь Жунь не мог понять такого человека: у него есть три глиняные хижины и меньше десяти му земли, но он умудрился довести свою жизнь до крайней нищеты и бедности, да ещё и не женился.

Но сейчас этот самый Ма Саньэр встал перед Вэнь Жунем и загородил его от гневного взгляда дяди Вэня:

— Что, не разбогател — и сразу бегом в Ляньхуаао? Слушай сюда: Ляньхуаао — это не ваш Вэньцзячжуань, где вы можете кого угодно обижать! В доме старого Ваня, может, и нет взрослых, но род Ваней не прервался!

Ведь всё имущество, которое Вэнь Жунь привёз в Ляньхуаао, теперь принадлежит ему лично — это его приданое. А в те времена никто не смел трогать чужое приданое.

— Наши семейные дела вас не касаются! — выпалил дядя Вэнь. Он и так был неправ, а теперь этот бездельник прямо в глаза всё высказал — ему стало стыдно и неловко.

— Ваши семейные дела? Ваша семья — в Вэньцзячжуане! — насмешливо прищурился Ма Саньэр. — Зачем же вы пришли в Ляньхуаао? Не наобижались в Вэньцзячжуане — решили сюда прийти обижать?

— Именно! Вэнь Жунь теперь человек дома Ваней в Ляньхуаао!

— Хотите кого-то обижать — сперва спросите, согласны ли на это жители Ляньхуаао!

Толпа грозно уставилась на эту пару, и взгляды у всех были крайне недружелюбными.

— Вэнь Жунь, ты вот так и будешь молча смотреть?! — Дядя Вэнь не осмеливался грубить чужакам, зато внутри семьи был настоящим тираном: перед посторонними — смиренный и заискивающий, а со своими — жестокий и властный. Сейчас он смотрел прямо на Вэнь Жуня.

Ведь они с женой — его родные дядя и тётя! Неужели этот книжный червь будет просто стоять и смотреть? Разве он не самый принципиальный сюцай (выпускник провинциальных экзаменов)? А теперь ведь ещё и цзюйжэнь!

— Больше не называйте его «гэфу»! — вдруг заговорил Ван Цзюэ. — Раз он вошёл в наш дом Ваней, он теперь — человек рода Ваней. Будь он богат или цзюйжэнь — это уже наши дела. А наш род Ваней живёт в Ляньхуаао, а не в Вэньцзячжуане. Уходите и больше не приходите. Дом Ваней вас не приветствует.

В этот момент кто-то из рода Ваней обязан был выступить. Ван Цзинь был ещё слишком мал, а вот Ван Цзюэ — в самый раз: ведь теперь он старший в доме Ваней. Хотя все прекрасно понимали, что настоящий хозяин в доме — Вэнь Жунь, но формально Ван Цзюэ действительно был «главой» семьи Ваней — вторым сыном, которому теперь предстояло заботиться о троих детях, даже не дождавшись возвращения своего «цисинь» (договорного брата/мужа).

— Ты ещё молокосос! Что ты вообще понимаешь? — дядя Вэнь совсем не боялся ребёнка Ван Цзюэ и не воспринимал его всерьёз.

— Пусть я и ребёнок, — спокойно ответил Ван Цзюэ, — но сейчас именно я решаю в доме Ваней. Если вы продолжите безобразничать, я вас выгоню!

Услышав это, окружающие тут же сжали в руках свои палки, мотыги и другие подручные предметы — готовые вступить при первой же стычке.

В такой ситуации что могли сделать дядя и тётя Вэнь?

<http://bllate.org/book/15642/1398057>